

А.Д. Цыбиктаров*Бурятский государственный университет,
ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, 670000, Россия
E-mail: hist@bsu.ru***ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА
(проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья
в конце III – начале II тыс. до н.э.)*****Введение**

Период энеолита – ранней бронзы на территории Центральной Азии до сих пор остается малоизученным. Первые материалы этого времени были получены Г.П. Сосновским в 20-х гг. XX в. при раскопках Нижнеберезовской стоянки в Южном Забайкалье [Сосновский, 1933], где степная зона Центральной Азии постепенно сменяется тайгой Восточной Сибири. Примерно тогда же в противоположной части Центральной Азии, в Гоби материалы времени позднего неолита – ранней бронзы собрали Р.Ч. Эндрюс, Н. Нельсон, Ф. Бергман и Д. Марингер. В 1949, 1960 гг. гобийские стоянки обследовал А.П. Окладников, который датировал их поздним неолитом [Окладников, 1962а, с. 88 – 89]. В последующее время памятники позднего неолита – ранней бронзы исследовались в Монголии А.П. Окладниковым, А.П. Деревянко, В.В. Волковым, Э.А. Новгородовой, а в Южном Забайкалье – И.И. Кирилловым, Ю.С. Гришиным, Л.Г. Ивашиной, Л.В. Семиной, О.И. Кирилловым.

В.В. Волков и Э.А. Новгородова на основании анализа имеющихся материалов сделали вывод о делении археологической карты Монголии на три зоны: западную, восточную и южную. Западную зону, по их мнению, характеризуют могильники афанасьевского типа Алтан-санда и Шатар-чулуу, петроглифы и случайные находки, имеющие аналогии в Южной Сибири; восточная представлена лишь одним погребением в Норовлийн-уул, а южная – находками с разветвленных гобийских стоянок [Волков, 1967, с. 11 – 12; 1981,

с. 7; Новгородова, 1989, с. 86 – 87]. В конце 1980-х гг. Э.А. Новгородова, заканчивая обзор известных к тому времени памятников этой эпохи, отмечала, что сделанные выводы носят предположительный характер, дальнейшие раскопки и исследования позволят рассмотреть проблему культурных зон Монголии более фундаментально [Новгородова, 1989, с. 119].

И.И. Кирилловым [1979, 1981; Окладников, Кириллов, 1980; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000], Ю.С. Гришиным [1975, 1981], Л.Г. Ивашиной [1979, 1983], Л.В. Семиной [1986] и О.И. Кирилловым [1994] в Забайкалье были получены более многочисленные, по сравнению с монгольскими, материалы. Следует особо отметить, во-первых, наличие памятников с хорошо сохранившимися культурными слоями в четких стратиграфических условиях, во-вторых, большее количество погребений и, в-третьих, расположение памятников как в степных, так и в горно-таежных районах края. Перечисленные выше исследователи выделили материалы рассматриваемой эпохи и установили их место в созданных ими региональных периодизациях неолита и бронзового века. Ю.С. Гришин отнес их к будуланскому этапу позднего неолита – ранней бронзы Забайкалья в пределах середины III – середины II тыс. до н.э. [1981, с. 191 – 193], И.И. Кириллов – к этапу ранней бронзы Восточного Забайкалья, синхронному глазковскому времени Прибайкалья (XVIII – XIII вв. до н.э.) [1979, с. 47 – 50; 1981, с. 31 – 33], Л.Г. Ивашина – к “фофановскому этапу энеолита и ранней бронзы” Бурятии (основная часть II тыс. до н.э.) [1979, с. 120 – 122, 124 – 125]. Л.В. Семина памятники раннебронзового времени таежных районов Хэнтэй-Чикойского нагорья датировала XVIII – VIII вв. до н.э.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 02-01-00400а.

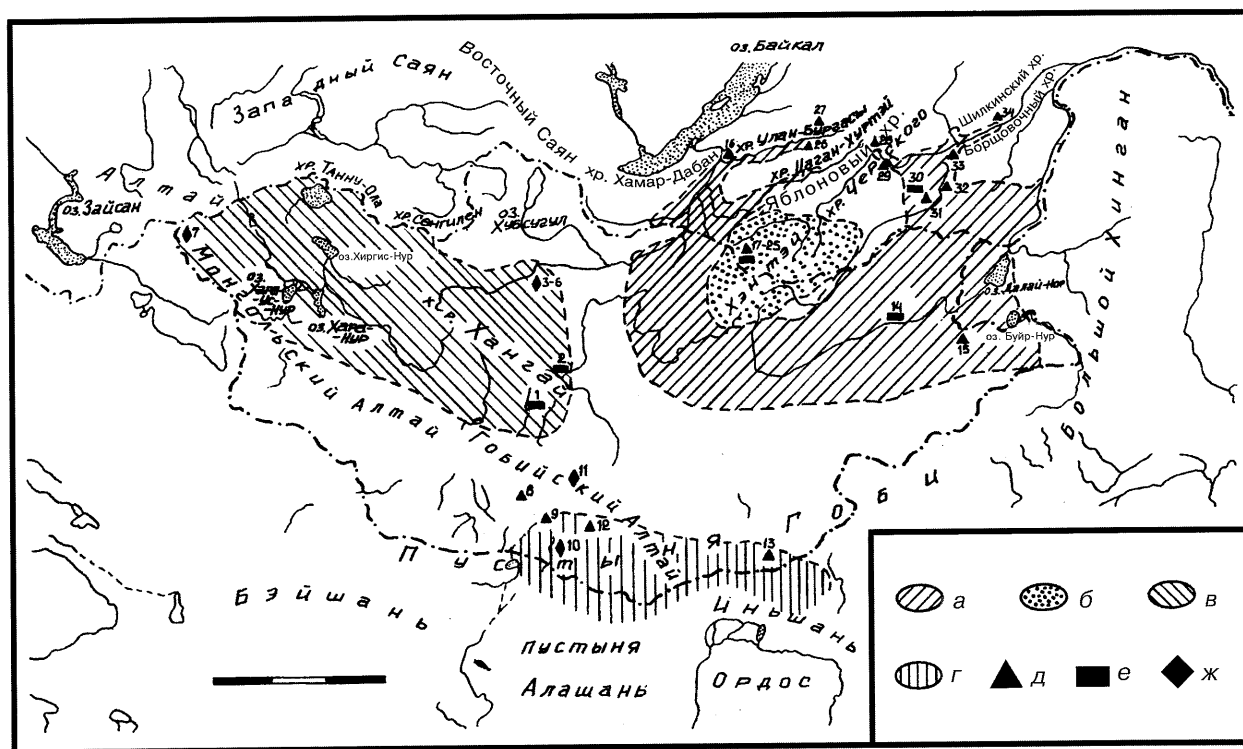

Рис. 1. Культурные области и памятники Центральной Азии эпохи энеолита и ранней бронзы.

1 – Шагар-чулуу, 2 – Алтан-сандал, 3 – Чулуут I, 4 – Чулуут II, 5 – Чулуут III, 6 – Чулуут VII, 7 – Цаган-Салаа – Бага-Ойгур, 8 – Зуух I, 9 – Тугригийн-ширэт, 10 – Арабжах, 11 – Тэвш-ула, 12 – Шабарак-усу, 13 – Солонкер-сомон, Суланг-хад, 14 – Норовийн-уул, 15 – Хуйтын-булак, 16 – Нижняя Березовка, 17 – Усть-Менза I, 18 – Усть-Менза II, 19 – Усть-Менза III, 20 – Усть-Менза V, 21 – Студеное, 22 – Нижняя Еловка, 23 – Алтан, 24 – Егоркина пещера, 25 – Кристинкина пещера, 26 – Кулькисон, 27 – Харга I, 28 – Дворцы, 29 – Жигуржинка, 30 – Озеро Ножий, 31 – Кункур, 32 – Кирочи, 33 – Ишихан, 34 – Молодовск.
 а – селенгинско-даурская культура, б – хэнтэйская культура, в – монгольский (центральноазиатский) вариант афанасьевской культуры, г – южная культурная область в гобийских районах, д – поселения, е – могильники, ж – петроглифы.

[1986, с. 7, 10 – 11]. По материалам Восточного Забайкалья О.И. Кириллов выделил этапы энеолита (вторая половина III – начало II тыс. до н.э.) и ранней бронзы (XVIII – XVI вв. до н.э.) [1994, с. 8 – 9].

Таким образом, в настоящее время по начальному периоду бронзового века северной части Центральной Азии, в которую входят Монголия и Южное Забайкалье, накопился достаточный представительный материал. Его анализ позволяет осветить некоторые особенности культурно-исторического развития древнего населения Центральной Азии на заре бронзового века. Основу данной статьи составили материалы 33 памятников – могильников, поселений, петроглифов, нескольких стоянок гобийских районов (рис. 1), а также случайные находки. Они дополняются суммарной характеристикой серии примерно из 100 погребений Восточного Забайкалья [Кириллов О.И., 1994]*.

* См. также: Кириллов О.И. Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – Рукопись (хранится в лаборатории археологии ЧГПУ).

Заканчивая вводную часть, необходимо отметить, что на территории Монголии и Южного Забайкалья период энеолита как отдельный самостоятельный этап бронзового века с характерными для него особенностями (см.: [Энеолит СССР, 1982, с. 7]) изучен весьма слабо. На памятниках начала эпохи палеометалла встречаются как медные, так и бронзовые изделия, вследствие чего очень трудно провести грань между энеолитом и ранней бронзой. По этой причине в настоящее время, видимо, целесообразнее обозначать начальный период использования металла в виде меди и бронзы в разных сферах жизни центральноазиатского населения термином “эпоха раннего металла”.

Культурные области эпохи раннего металла

Период энеолита – ранней бронзы в степных и горно-степных зонах Евразии было временем сложения производящего хозяйства и формирования новых культур. Население этих зон завершило переход к скотоводству и земледелию, освоило металлургию меди и бронзы, в то время как обитатели горно-таежных

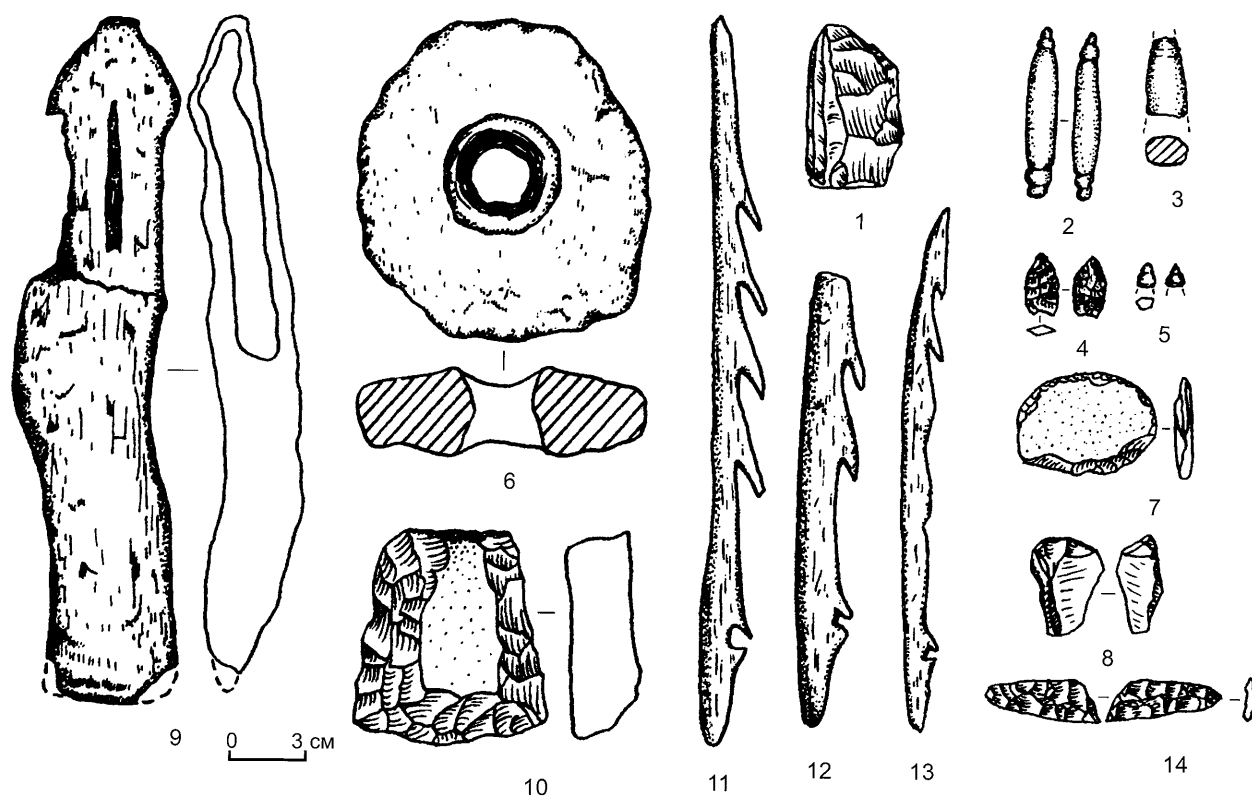

Рис. 2. Инвентарь поселений. Восточная степная культурная область.

1 – нуклеус; 2, 3, 5 – стерженьки рыболовных крючков; 4 – наконечник стрелы; 6 – диск-утяжелитель мотыга (камень); 7 – скребло; 8 – скребок; 9 – мотыга (кость); 10 – тесло громатухинского типа; 11 – 13 – гарпуны; 14 – нож.
1, 11 – 13 – Нижняя Березовка (по: [Сосновский, 1933]); 2, 6, 9 – Дворцы (по: [Кириллов И.И., 1979]); 10 – Жигуржинка I (по: [Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000]); 3 – 5, 7, 8, 14 – Харга I (по: [Ивашина, 1983]).

районов оставались охотниками, рыбаками, собирателями и сохраняли во многом неолитический уклад и образ жизни. Эти общие закономерности в полной мере проявились в облике культур населения горно-степных и горно-таежных районов Монголии и Южного Забайкалья. В эпоху раннего металла здесь складываются четыре культурные области (см. рис. 1): 1) восточная степная (Восточная Монголия и Южное Забайкалье); 2) восточная лесная (Восточная Монголия и Южное Забайкалье); 3) западная (Западная Монголия); 4) южная (гобийские районы Монголии и Северного Китая). Каждая из них имеет особенности в характере памятников, материалов, общем облике культуры и направлении культурно-исторических связей.

Восточная степная культурная область занимала степные и лесостепные районы Южного Забайкалья и Восточной Монголии. Наряду со стоянками дюнного типа она представлена серией поселений с хорошо сохранившимися культурными слоями: Нижняя Березовка (нижний слой), Кулькисон, Харга I, Дворцы, Ишахан (слой 2), Молодовск (слой 1), Жигуржинка (слой 4), Кункур-1, Антипиша (слой 1), Кирочи, поселение у оз. Хуйтын-Булак. Выявлен и ряд одновременных им могильников: Норовлийн-уул, Озеро Ножий (см. рис. 1).

Культурные слои поселений мощностью до 30 – 50 см свидетельствуют об оседлом образе жизни. Они содержали разнообразные артефакты из камня и кости, керамику, большое количество костей животных. Каменный и костяной инвентарь включал наконечники стрел, дротиков, скребки, вкладыши, проколки, скребла, ножевидные пластины, микроострия, резцы, стерженьки составных рыболовных крючков, заготовки блесны в форме рыбки, крупные рубящие орудия, молот-отбойник, плоские плитки, песты-терочники, роговые гарпуны с односторонне расположенными зубцами, острия, шилья, иглы, основы вкладышевых орудий (рис. 2) [Сосновский, 1933, с. 212, рис. 1; Деревянко, Окладников, 1969, с. 155 – 156; Деревянко, 1986, с. 245; История..., 1986, с. 78; Кириллов И.И., 1979, с. 35 – 37; 1988, с. 7, 12 – 13; Ивашина, 1979, с. 60, 64, 69, 71, рис. 42 – 44, 47 – 49, табл. 1; 1983, с. 47 – 52, 54 – 55, 58; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, с. 31].

Глиняная посуда изготавливалась методом выколачивания с помощью лопаточки, обмотанной нитями или пучком травы. В это время появляются толстостенные сосуды более сложной профилировки с отогнутым наружу округлым венчиком и плоским

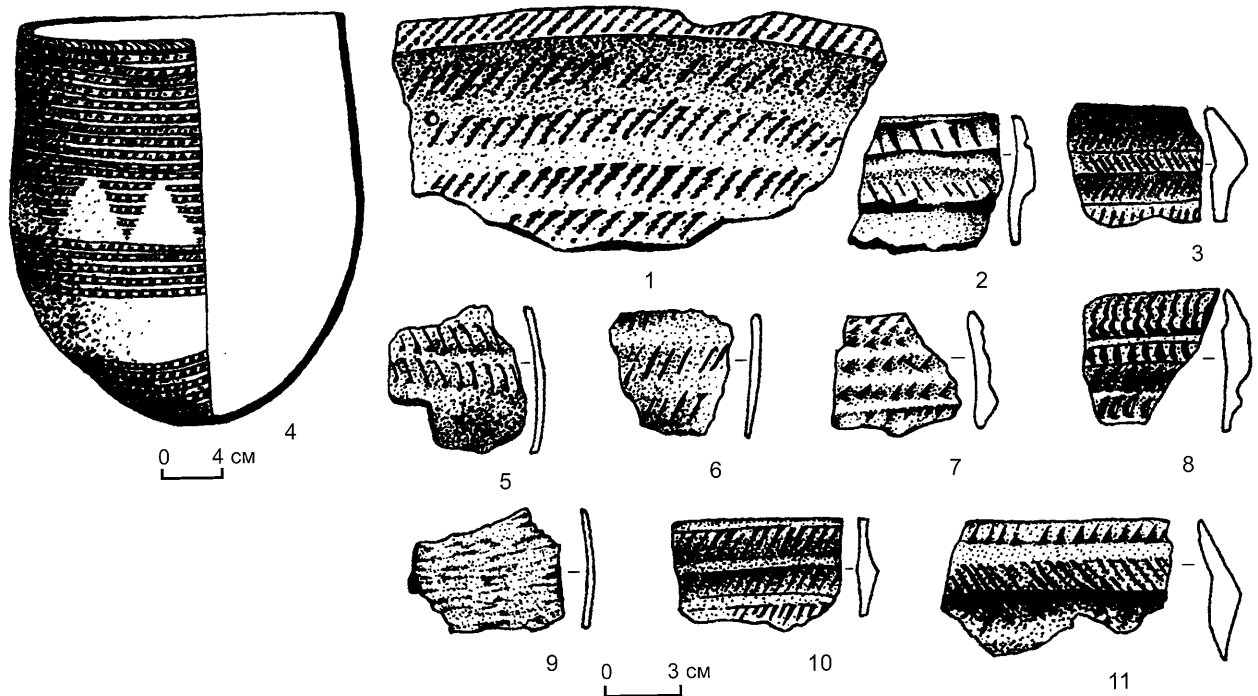

Рис. 3. Керамика. Восточная степная культурная область.

1 – Нижняя Березовка (по: [Сосновский, 1933]); 2, 5 – 7, 9, 11 – Харга I (по: [Ивашина, 1983]); 3, 8, 10 – Дворцы (по: [Кириллов И.И., 1979]); 4 – Жигуржинка I (по: [Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000]).

дном. Нередко венчики имеют треугольные утолщения-карнизики. В орнаментации появляются простейшие геометрические узоры в виде треугольников, взаимопроникающих фигур. Но чаще наносились горизонтальные полосы. Орнамент выполнялся в накольчатой, отступающей и прочерченной технике. Орнаментировалась в основном верхняя часть сосудов, но иногда – вся поверхность и внутренняя сторона венчиков. Появляются накладные валики, рассеченные разными штампами, пояски жемчужин (рис. 3) [Сосновский, 1933, с. 210 – 212, табл. I, 2; Окладников, 1952, с. 45; Кириллов И.И., 1979, с. 35 – 38; 1981, с. 33; 1988, с. 7 – 8, 13 – 14; Ивашина, 1979, с. 59 – 61, 64 – 66, рис. 45, 50, 51; 1983, с. 46 – 57; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, с. 30 – 31].

Костные остатки принадлежали рыбам (карась, плотва, окунь, щука), диким (косуля, лось, благородный олень (марал), кабан, сайга, заяц, утка и гусь) и домашним (лошадь, корова, длиннорогий бык, овца) животным [Сосновский, 1933, с. 212; Окладников, 1951, с. 446; 1952, с. 45; Рыгдылон, 1950, с. 28; Кириллов И.И., 1979, с. 36; 1988, с. 8; Ивашина, 1979, с. 64, 133; 1983, с. 54, 57 – 59; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, с. 30]. Преобладание костей диких животных и рыб над костями домашних животных, захоронения собак, орудия охоты и рыболовства свидетельствуют о том, что при-

сваивающие виды хозяйства по-прежнему играли значительную роль, скотоводство и, возможно, земледелие еще не стали основой хозяйства обитателей степей и лесостепей Южного Забайкалья и Восточной Монголии этого времени. Мотыгообразные орудия, каменные кольца-утяжелители из Дворцов (см. рис. 2, 6, 9), Кирочей, Баин-Булака, Ишахана [Кириллов И.И., 1979, с. 36; 1981, с. 32; 1988, с. 7, рис. 1, 22, 23; Окладников, Кириллов, 1980, с. 164 – 166], погребений Приаргунья [Асеев, 1997, с. 23]*, Нижнеберезовского поселения [Сосновский, 1933, с. 212]** интерпретируются исследователями как земледельческие орудия.

В жизнь обитателей стоянок Забайкалья и Восточной Монголии в это время впервые входит металл – медь и бронза. Свидетельствами не только знакомства с металлом, но и начала его выплавки являются как отдельные изделия, так и медно-бронзовые шлаки и капельки металла. В Дворцах были найдены куски медно-бронзового шлака и два фрагмента металлических изделий,

* См. также: **Кириллов О.И.** Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – С. 47. – Рукопись.

** См. также: **Сосновский Г.П.** Энеолит Селенгинской Даурии. – Архив ИИМК РАН. Архив Г.П. Сосновского. Ф-42, № 164, л. 5.

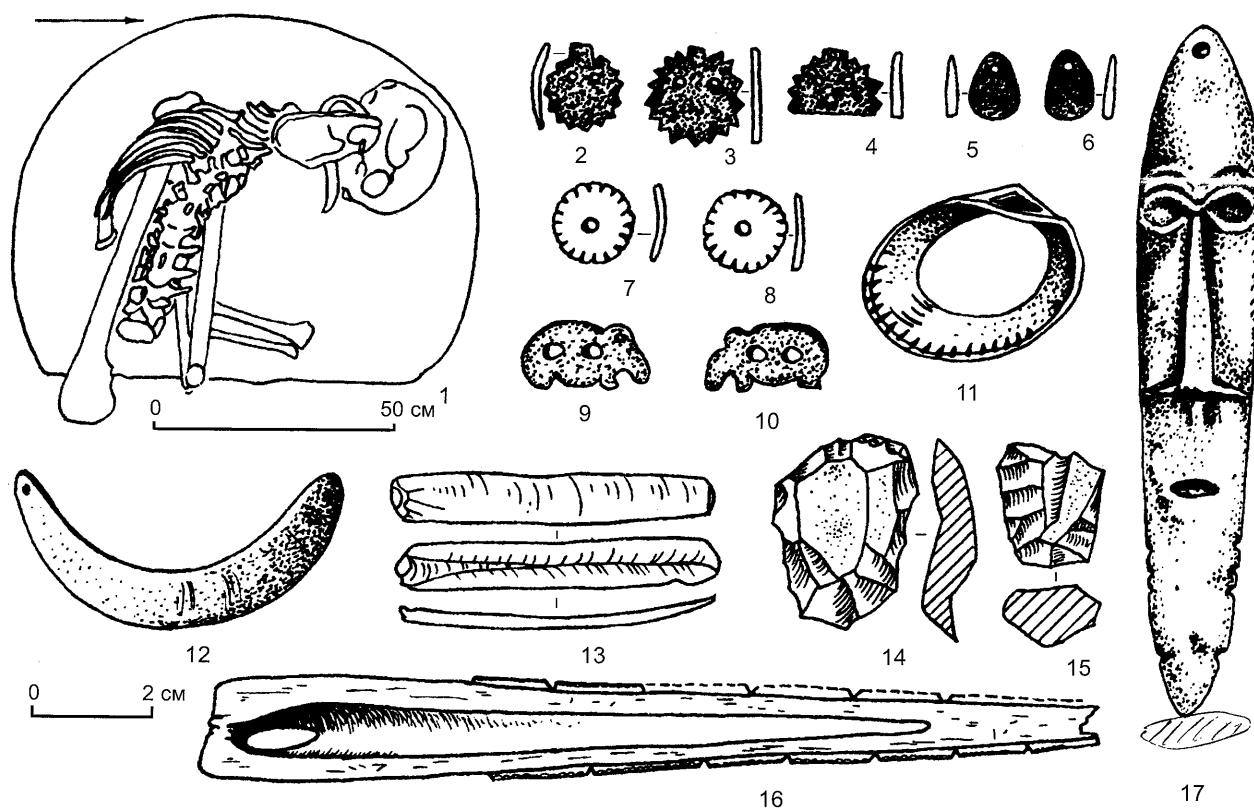

Рис. 4. План захоронения и инвентарь энеолитического погребения. Норовлийн-уул. Монголия. Восточная степная культурная область.

1 – по: [Волков, 1975], 2 – 17 – по: [Новгородова, 1989; Novgorodova, 1980].

в Молодовске – медный рыболовный крючок, в Антипихе – четырехгранное шило, в Ишахане и Кирочах – фрагменты медно-бронзовых изделий, на последнем памятнике – еще и фрагменты глиняных льячек [Кириллов И.И., 1979, с. 36; 1981, с. 32; 1988, с. 7, 14], в Кулькисоне – обломок бронзового (медного?) кольца [Ивашина, 1983, с. 51, 60], в Харге I – два фрагмента бронзовой бусины-пронизки [Ивашина, 1979, с. 64; 1983, с. 54, 60]. В Хуйтын-Булаке у некоторых очагов обнаружены шлаки с капельками запекшейся меди [Дорж, 1971, с. 77].

Использование изделий из металла обусловило изменение отношения к камню. По данным И.И. Кириллова, в это время наблюдается кризис техники торцового нуклеуса и пластинчатой индустрии, сокращается количество дополнительно обработанных пластин, из которых до 45 – 50% составляют вкладные лезвия с краевой ретушью. Соответственно возрастает число отщепов и колотых галек, удельный вес орудий из них. Крупные орудия представлены теслами, скреблами дисковидной формы, грузилами, отбойниками, пестами, мотыгами [Кириллов И.И., 1979, с. 36 – 37; 1981, с. 27, 33; 1988, с. 6 – 7, 12 – 13].

Погребальные комплексы эпохи раннего металла Восточной Монголии и Южного Забайкалья представ-

лены несколькими типами захоронений. Первый во многом сохраняет неолитические традиции. Наиболее ярким из этих памятников является погребение в Норовлийн-уул (рис. 4) (описание см.: [Волков, 1975; Новгородова, 1989, с. 78 – 80]). В нем сочетаются черты, свойственные как неолитическим погребениям Восточной Монголии и Восточного Забайкалья (сидячая поза умершего, устройство могильной ямы в виде углубления-шахты, отсутствие внешних признаков над захоронением, обильное присутствие охры), так и энеолитическим (более богатый и разнообразный инвентарь, его типологическая близость к некоторым энеолитическим изделиям). К этому же типу относится выделяемая О.И. Кирилловым аргунская группа энеолитических погребений Восточного Забайкалья*.

Второй тип отличается каменными выкладками длиной до 4 – 6 м. В могильных ямах глубиной до 1 м захоронения производились на боку или спине с согнутыми в коленях ногами, изредка в вытянутом по-

* Кириллов О.И. Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – С. 44 – 48. – Рукопись.

ложении на спине. Охра использовалась, но не часто*. Происходит переход к ориентировке погребений по линии запад – восток. В инвентаре появляются полушарные пуговицы и столбчатые подвески из раковин, миндалевидные подвески из минералов, послужившие основой для аналогичных изделий из бронзы. Каменный инвентарь по-прежнему преобладает, но резко сокращается его ассортимент. Бронзовые вещи немногочисленны (черешковые ножи, пронизки, пуговицы, нашивные восьмерковидные накладки из листовой меди). Керамика сильно фрагментирована. Появляются плоскодонные сосуды баночной формы, встречаются триподы небольших размеров**.

Третий тип представлен погребениями у оз. Ножий. Для него характерны кладки прямоугольной в плане формы, ориентированные длинными осями по линии восток – запад, их толщина 40 – 70 см, длина до 6 – 7 м. Неглубокие могильные ямы (до 45 см) имели перекрытие из плит, положенных поперек них. Умершие были погребены в вытянутом положении на спине, головой на восток. Присутствует охра. Инвентарь представлен различными по форме и размерам бусинами из сердолика, агата, пирофиллита, кости и большой круглой подвеской. В одной из кладок были найдены нижняя челюсть лошади и мелкие кости животных. Керамика отсутствовала [Окладников, Кириллов 1980].

Охарактеризованные три типа погребений Южного Забайкалья и Восточной Монголии времени раннего металла, по нашему мнению, показывают эволюцию от неолитических захоронений (с погребенными в сидячем, полусидячем или сильно скорченном положении), слабо или практически не обозначенных на поверхности (см.: [Деревянко, Окладников, 1969, с. 152 – 153, рис. 3, 4; Окладников, Деревянко, 1970, с. 8, рис. 3; Дорж, 1971, с. 44 – 45; Кириллов, Верхотуров, 1985]), к погребениям с невысокими овальными кладками курганного типа, а затем прямоугольными кладками толщиной до 70 см. В целом они отражают, видимо, развитие погребального обряда на протяжении этого времени, сопряженное, как нам представляется, с процессом утверждения производящего хозяйства. В эпоху ранней бронзы скотоводство постепенно становится, вероятно, одной из главных отраслей хозяйства населения степей Восточной Монголии и Забайкалья.

Погребения под овальными многорядными кладками и особенно под прямоугольными кладками у оз. Ножий свидетельствуют о принципиальной смене, по сравнению с неолитическим временем, концепции погребального обряда у степного населения Монголии

и Южного Забайкалья в эпоху энеолита и ранней бронзы. Сидячее или сильно скорченное положение и различная ориентировка погребенных, характерные для неолитической эпохи (см.: [Деревянко, Окладников, 1969, с. 152 – 153, рис. 3, 4; Окладников, Деревянко, 1970, с. 8, рис. 3; Дорж, 1971, с. 44 – 45; Ивашина, 1979, с. 103 – 106; Окладников, Кириллов, 1980, с. 111 – 119; Кириллов, Верхотуров, 1985]), сменяются вытянутым положением на спине и ориентировкой погребенных головой на восток. Появляется такая особенность, как использование домашних животных в погребальном обряде. Если в неолите могилы на поверхности не обозначались или над ними располагались неплотные каменные выкладки, которые быстро задерновывались, то раннебронзовые могилы перекрываются поперечными лежащими плитами и над захоронениями устанавливаются достаточно мощные кладки подпрямоугольной формы, хорошо видимые издали на фоне степного ландшафта. Они как бы обозначают право владения скотоводов пастбищами в местах расположения родовых и семейных могильников.

Эти новации были связаны с процессом утверждения производящего хозяйства. Они свидетельствуют о формировании новых особенностей в культуре населения степных и лесостепных районов Южного Забайкалья и Восточной Монголии с вхождением в эпоху металла. К сожалению, никто из отечественных или монгольских исследователей специально не занимался вопросами культурно-хронологического соотношения западно-, восточнозabayкальских и восточномонгольских памятников рассматриваемого времени с целью объединения их в одну культуру или, наоборот, разделения на разные культурные комплексы. Не вводилось и специального названия для обозначения культуры населения этих трех частей, по сути, одной культурно-исторической области.

И.И. Кириллов, характеризуя период ранней бронзы Восточного Забайкалья, отметил, что памятники типа Дворцов располагаются в зоне ононской культуры неолита и указывают на ее сохранение в эпоху палеометалла [1981, с. 32; 1988, с. 13]. Его поддержал О.И. Кириллов при обобщении материалов этого времени [1994, с. 9]. Однако вряд ли можно признать удачным сохранение для обозначения памятников совершенно новой эпохи наименования культуры предшествующего времени. Материалы Западного Забайкалья Л.Г. Ивашина определила как “фофановский этап энеолита и ранней бронзы” [Ивашина, 1979, с. 124 – 125, 157]. Д. Дорж [1971] и Д. Наваан [1975] при анализе памятников неолита и бронзы Восточной Монголии акцентированного внимания комплексам раннебронзового времени не уделяли.

Вышеприведенная сводка материалов памятников степных и лесостепных зон Забайкалья и Восточной Монголии показывает, как нам представляется, зна-

* Кириллов О.И. Погребальные памятники... – С. 34 – 35, 39 – 42, 44 – 45.

** Там же. – С. 51.

чительную степень близости каменного, костяного инвентаря и, что особенно важно, керамики (в технологии ее изготовления, технике нанесения и композиционном построении орнамента) населения данных районов. Это свидетельствует об их принадлежности если не к одной культуре, то к одной культурно-исторической области, внутри которой существовали локальные варианты. В территориальном отношении она охватывала обширные степные и лесостепные районы в бассейне среднего течения Селенги, междуречье Шилки и Аргуни, бассейне р. Онон и в Восточной Монголии. Южные степные районы Забайкалья с давних времен известны под названием Даурия. Предлагаем для восточной степной культурной области времени раннего металла использовать название “селенгинско-даурская культура или культурно-историческая общность”. Оно объединяет территории Монголии и Южного Забайкалья, поэтому будет приемлемо для археологов как России, так и Монголии и позволит избежать двойного обозначения этой культуры или культурно-исторической общности, как это нередко случается*.

Восточная лесная культурная область охватывала горно-таежные районы Южного Забайкалья и Восточной Монголии. Культура таежного населения эпохи раннего металла представлена материалами поселений Усть-Менза I (три горизонта), II, III (по одному), Студеное, Нижняя Еловка (также по одному), Алтана (пять горизонтов), комплексом Егоркиной пещеры и несколькими захоронениями из Усть-Мензы III и V (см. рис. 1). Из металлических изделий здесь найдены только бронзовые предметы (см.: [Константинов, Семина, 1980; Семина, 1983, 1985, 1986; Семина, Пинскер, 1988; Базарова, Васильев, Конюхов, 1986; Родникова, Селин, 1986; Сухопарова, Непомнящий, Семина, 1990]).

В лесных районах в эпоху ранней бронзы жило население, которое, судя по материалам раскопок в Чикойско-Мензенской провинции на севере Хэнтэйской горной системы, несмотря на знакомство с металлом, по-прежнему во многом сохраняло неолитический уклад и образ жизни (присваивающее хозяйство: охота, рыболовство и собирательство). Появление здесь металла (бронзы) относится примерно к началу II тыс. до н.э. Следы выплавки металлов (кусочек окисленной медной руды, кусочки шлака, капельки бронзы, яма для обжига древесного угля)

* В качестве примеров можно привести ононскую неолитическую культуру Восточного Забайкалья и ее аналог – тамцаг-булакскую Восточной Монголии; уюкскую скифского времени в Туве и ее аналог – чандманьскую на сопредельной территории Монголии. В свое время Г.Ф. Дебец предложил термин “даурская” для обозначения культуры неолитической эпохи в Южном Забайкалье. Однако он не прижился.

и металлообработки (фрагменты литейных форм) указывают на зарождение очага бронзовой металлургии, основанного на эксплуатации местной сырьевой базы [Семина, 1986, с. 12; Семина, Пинскер, 1988]*. Однако металлические орудия лишь в незначительной степени потеснили камень, который по-прежнему играл ведущую роль в сфере производства в рассматриваемое время [Семина, 1986, с. 10; Константинов, Семина, 1980, с. 102, 104; Сухопарова и др., 1990, с. 188 – 189]**. Поэтому можно полагать, что в эпоху раннего металла в горно-таежных районах Южного Забайкалья и Северной Монголии металлургия бронзы не получила широкого распространения и развития.

В технике обработки камня, наборе орудий сохраняются все достижения неолитического времени. Однако с вступлением в новую, палеометаллическую, эпоху сокращается количество изделий на пластинах, хотя по-прежнему ведущая роль остается за ними, и, соответственно, увеличивается число орудий на отщепках [Константинов, Семина, 1980, с. 98 – 102; Семина, 1984, с. 129 – 130; 1986, с. 10 – 11; Сухопарова, Непомнящий, Семина, 1990, с. 189].

Глиняная посуда изготовлялась техникой выколачивания колотушкой, обмотанной нитями. Но появляется стремление к заглаживанию и легкому поцелению поверхности сосудов. Венчики стали слегка отгибаться наружу, обозначая зону шейки. Используется овальное оформление среза венчика или дополнение карнизиками. Появляется плоскодонная посуда. Более разнообразной и богатой становится орнаментация. Орнамент покрывает зону венчика и тулова, а иногда и доньшко. Украшается внутренняя сторона венчика и его торец. Орнаментальные пояса располагаются в линию, чередуясь со свободными участками, или под углом друг к другу. Орнамент наносится в накольчатой, отступающей, прочерченной технике (рис. 5) [Семина, 1985, с. 113 – 119; 1986, с. 11; Семина, Пинскер, 1988, с. 68].

В погребальном обряде лесных жителей Хэнтэй-Чикойского нагорья, судя по погребениям из Усть-Мензы III и V, сохранились типично неолитические черты. В могилы помещался невыразительный инвентарь, или он отсутствовал вообще, обильно использовалась охра, умерших укладывали в сильно скорченном положении. Но вместе с тем появляются и новые черты: каменные надмогильные выкладки, сравнительно большие размеры могильных ям, ориентировка погребений по линии запад – восток (рис. 6) [Родникова, Селин, 1986; Базарова, Васильев, Конюхов, 1986].

* См. также: Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – С. 156. – Рукопись (хранится в лаборатории палеоэкологии и археологии ЧГПУ).

** См. также: Там же. – С. 154.

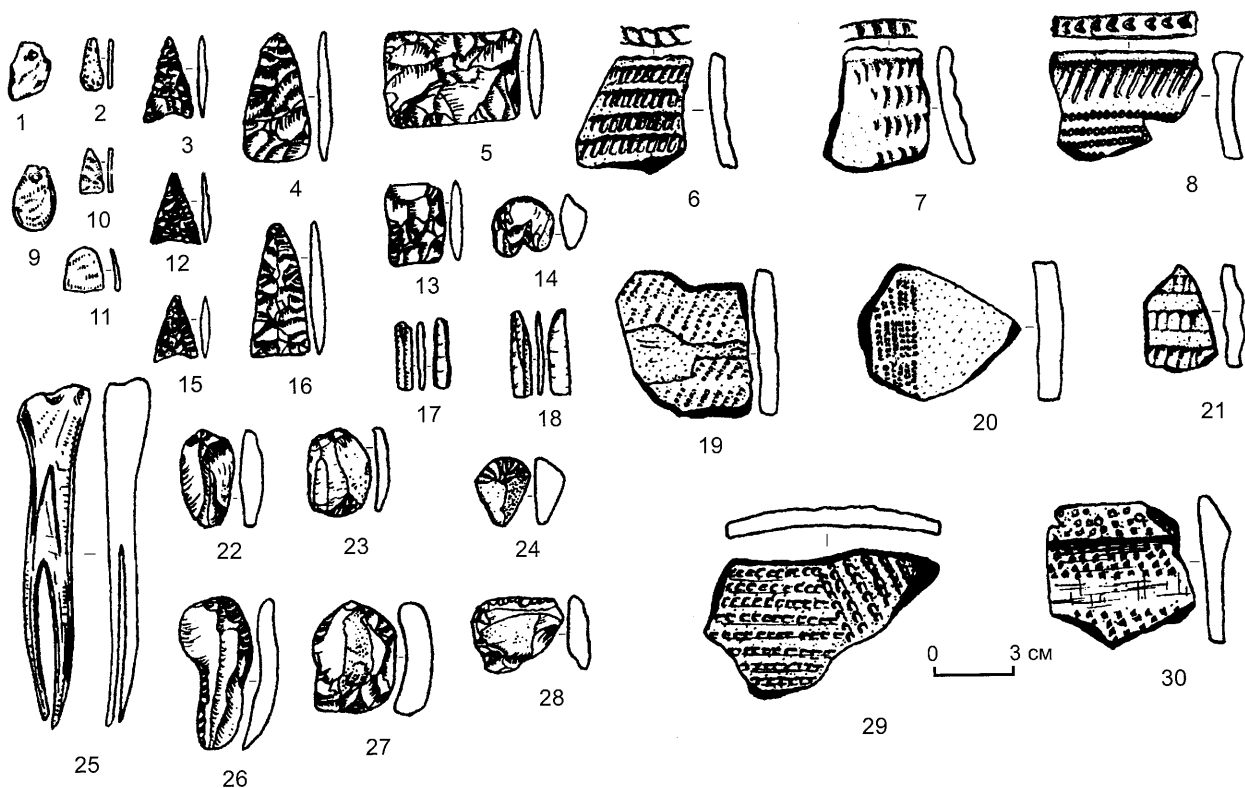

Рис. 5. Инвентарь памятников (по: [Семина, 1983, 1985]). Восточная лесная культурная область.
 1, 9 – подвески; 2, 10 – бронзовые наконечники стрел; 3, 4, 11, 12, 15, 16 – каменные наконечники стрел; 5, 13 – вкладыши;
 6 – 8, 19 – 21, 29, 30 – керамика; 14, 22 – 24, 26 – 28 – скрепки; 17, 18 – ножевидные пластины; 25 – вязальный инструмент.
 1 – 5, 9 – 18, 22 – 28 – Кристинкина пещера; 6, 8, 21 – Усть-Менза I; 7, 19, 20, 29 – Усть-Менза II; 30 – Егоркина пещера.

Археологическая культура бронзового века Хэн-тэй-Чикойского нагорья, выделенная Л.В. Семиной [1986, с. 14], до сих пор не имеет названия. Предлагаем именовать ее хэнтэйской по названию горной системы, расположенной и в Забайкалье, и в Монголии, что, как и в случае с селенгинско-даурской культурой, позволит избежать двойного обозначения одной и той же археологической культуры российскими и монгольскими археологами.

В целом в лесных и степных районах Южного Забайкалья и Восточной Монголии в эпоху раннего металла проживало монголоидное население, в материальной культуре которого прослеживался ряд общих черт. Они проявлялись в технике изготовления керамики и ее орнаментации, а также в некоторых типах каменного и костяного инвентаря. Однако это население не было единым в этнокультурном отношении, на что указывают различия в погребальном обряде. Захоронения степных жителей, как показано выше, существенно отличаются от неолитических. Редкие же погребения в таежных районах, напротив, сохраняют во многом неолитические черты. Это означает, что развитие культур данных групп населения пошло разными путями. Причины заклю-

чались, вне всякого сомнения, в формировании уклада скотоводов и земледельцев у жителей степей и сохранении присваивающего хозяйства у обитателей таежной зоны. Лесные охотники и рыбаки продолжали совершенствовать прежние формы адаптации к окружающей среде, а жители степей вырабатывали новые, осваивая скотоводство и, возможно, земледелие. Большое значение имели изменения в природной обстановке, происходившие в конце III – начале II тыс. до н.э. В это время на территории Забайкалья и Монголии шел процесс аридизации климата [Виппер и др., 1978, с. 21 – 22; 1981; 1989, с. 164 – 165; Динесман и др., 1989, с. 198 – 199, рис. 1, 7], сыгравший, в конечном итоге, решающую роль в утверждении скотоводческого направления в производящем хозяйстве степного населения к эпохе развитой и поздней бронзы. Изменения в хозяйственной сфере вызывали появление новых черт в материальной культуре и погребальном обряде. Постепенно различия в материальной и духовной культуре степного и лесного населения Южного Забайкалья и Восточной Монголии начинают, по всей видимости, приобретать этнокультурный характер.

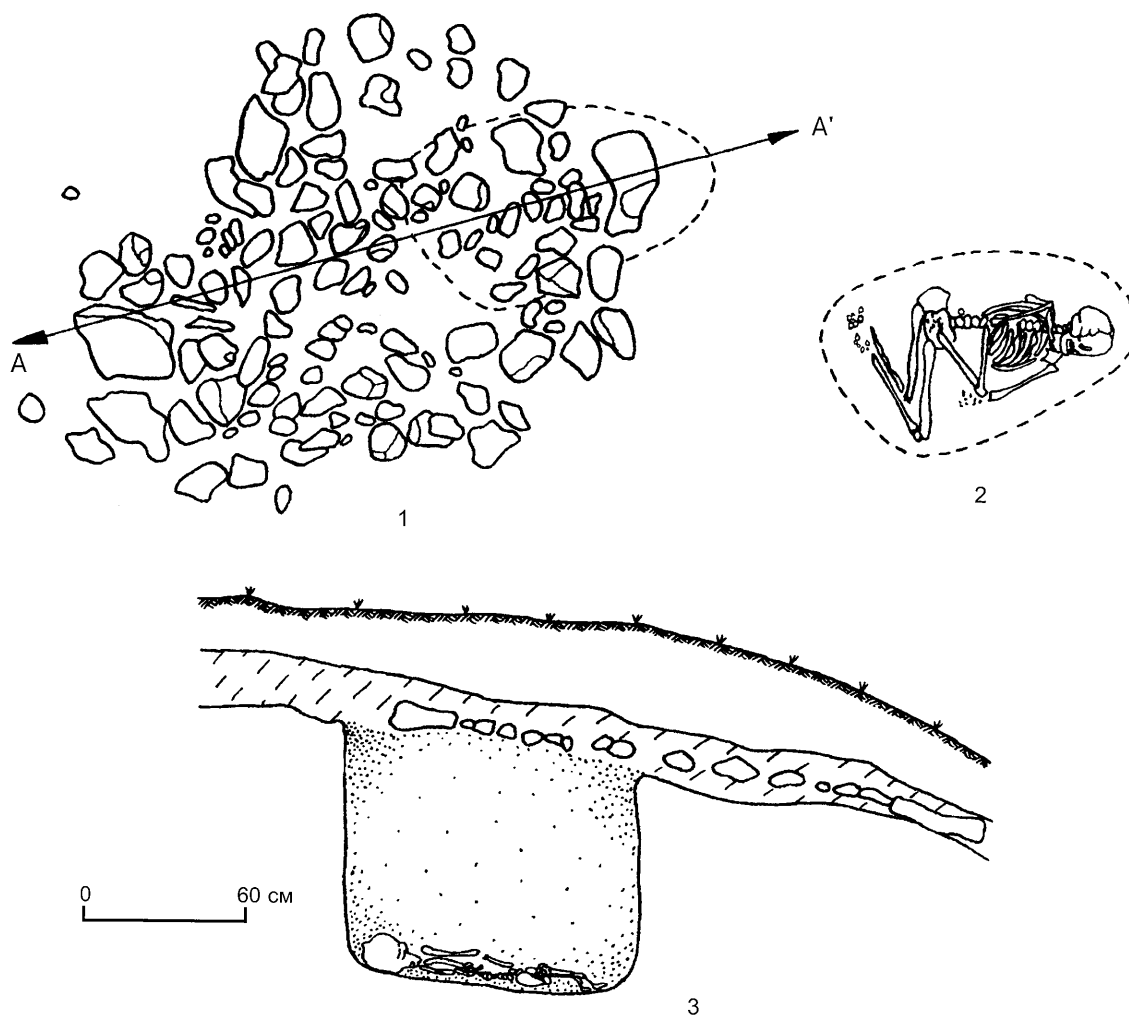

Рис. 6. Погребение бронзового века (по: [Родникова, Селин, 1986]). Усть-Менза V. Восточная лесная культурная область.
1 – кладка над могилой; 2 – костяк; 3 – разрез по линии А – А'.

С нашим предположением о существовании различных этнокультурного характера между населением степной и лесной зон рассматриваемой части Монголии и Забайкалья согласуются материалы петроглифов [Окладников, Запорожская, 1970, с. 129 – 132; Окладников, 1981а, с. 6, 69; Мазин, 1988, 1994]. В типологическом и хронологическом отношении они лучше изучены в верховьях Амура и Восточном Забайкалье благодаря исследованиям А.И. Мазина, который выделил в наскальной живописи времени неолита и бронзы на этой территории резко различающиеся между собой по стилистическим особенностям и тематике “таежные” петроглифы лесной зоны и “степные” – лесостепной [1988, с. 21; 1994, с. 81]. В “таежных” преобладают охотничьи и оленеводческие сюжеты [Мазин, 1988, с. 22 – 23, 28, 33, 36; 1994, с. 83, 95], для “степных” характерны изображения антропоморфных фигурок, оградок, заполненных пятна-

ми, и систематизированные ряды пятен. Петроглифам второй группы автор находит аналогии в степных районах бассейна Селенги в Западном Забайкалье и Северной Монголии [Мазин, 1988, с. 25 – 26, 33, 36; 1994, с. 94]. Жертовники в виде плиточных оградок, располагавшиеся рядом с наскальными изображениями “степного стиля”, наряду с другими находками содержали кости домашних животных – челюсти коровы, овцы, лошади [Мазин, 1988, с. 12; 1994, с. 73].

Вне всякого сомнения, петроглифы “степного стиля” (по А.И. Мазину) или “селенгинского типа” (по А.П. Окладникову [Окладников, Запорожская, 1969, 1970]) связаны именно с производящим хозяйством, которое появилось в период развитого неолита в среде носителей ононской культуры [Кириллов И.И., 1981, с. 23 – 26, 30], а окончательно утвердилось в течение первой половины II тыс. до н.э. К середине этого тысячелетия скотоводство уже иг-

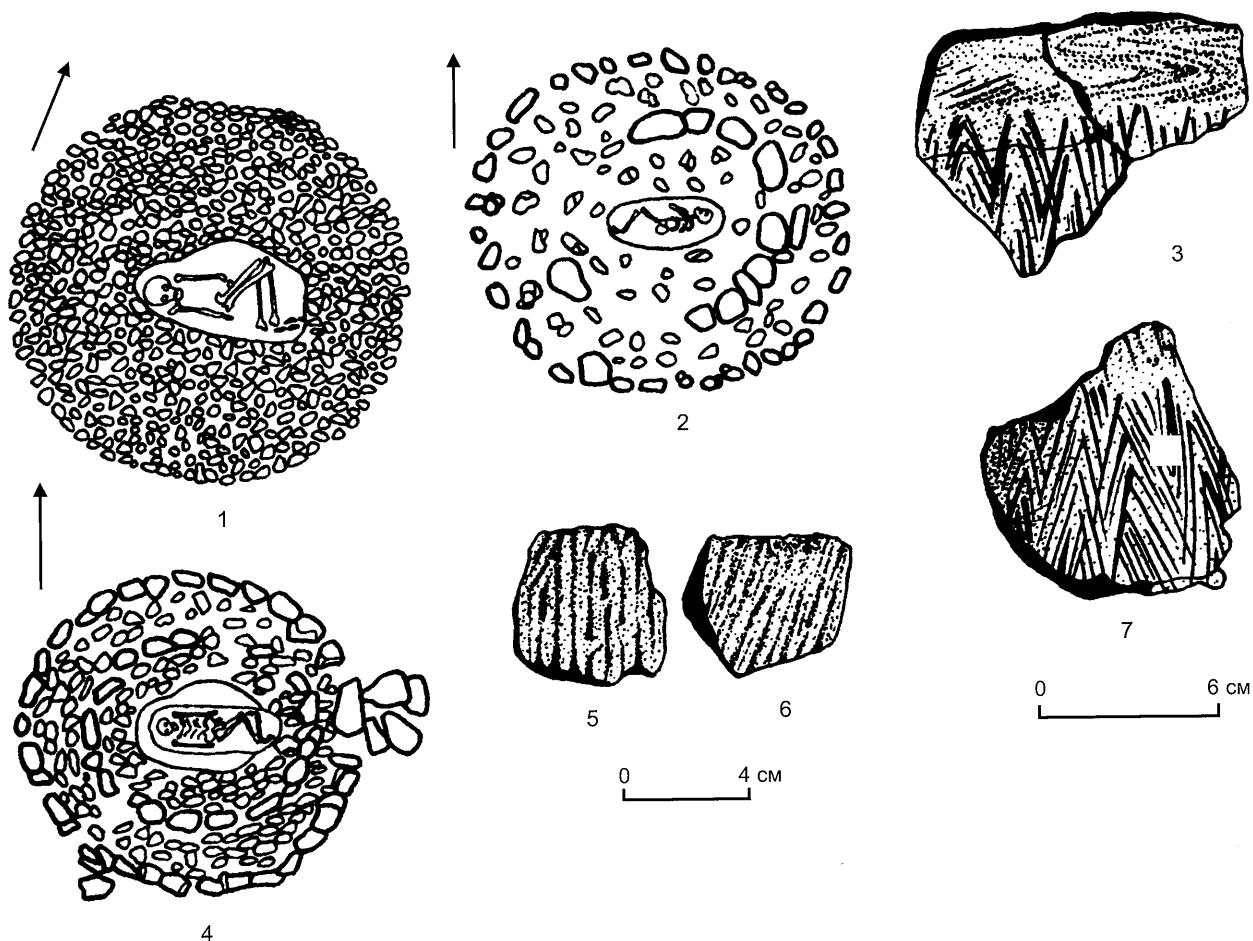

Рис. 7. Планы курганов афанасьевского типа могильников Алтан-сандал, Шатар-чулуу и керамика из них. Западная культурная область.

1 – Алтан-сандал, кург. 3; 2, 5, 6 – Шатар-чулуу, кург. 1; 3, 4, 7 – Шатар-чулуу, кург. 3.
1, 2, 4 – по: [Новгородова, 1989], 3, 5 – 7 – рисунки автора.

рало ведущую роль в хозяйстве степного населения [Цыбиктаров, 1999, с. 95 – 97, 99]. Таким образом, создателями петроглифов “степного стиля” могли быть группы степного и лесостепного населения Южного Забайкалья и прилегающих районов Монголии, связанного с производящим хозяйством, в т. ч. эпохи раннего металла.

Совершенно иной облик по сравнению с южнозabayкальскими и восточномонгольскими имеют памятники Западной Монголии времени энеолита и ранней бронзы, которые представляют западную культурную область. Каменно-земляные курганы могильников Алтан-сандал в Ара-Хангайском аймаке и Шатар-чулуу в Баян-Хонгорском содержали захоронения людей европеоидного типа, погребенных на спине с согнутыми в коленях ногами в неглубоких могильных ямах. Костяки были окрашены охрой. Инвентарь в могилах отсутствовал. Немногочисленные находки были обнаружены между камнями кладок (рис. 7). Принадлежность курганов к памятникам афанась-

евского типа, отмеченная В.В. Волковым [1980] и Э.А. Новгородовой [1989, с. 81 – 84], ни у кого не вызвала возражений. К афанасьевскому типу европеоидной расы относились и черепа из них [Мамонова, 1980, с. 73; Тумэн, 1985, с. 4; Алексеев и др., 1987, с. 226, 238]. При этом В.В. Волков и Э.А. Новгородова отмечали, что курганы Алтан-сандала и Шатар-чулуу более близки горноалтайским, чем минусинским [Волков, 1980, с. 16; Новгородова, 1989, с. 85 – 86]. Они также выделили и другие материалы энеолитического времени, подобные южносибирским и саяноалтайским: керамику афанасьевского типа (случайные находки), жезлы с зооморфными навершиями и значительное число петроглифов в западных районах Монголии. На этом основании В.В. Волков и Э.А. Новгородова сделали вывод о том, что в энеолите Западная Монголия входила в состав большой этнокультурной области, которая включала также Туву, Горный Алтай и Минусинскую котловину [Волков, 1980, с. 16; Новгородова, 1989, с. 85 – 88, 118 – 119].

К курганам Алтан-сандаля и Шатар-чулуу в связи с анализом материалов афанасьевской культуры Алтая и Тувы неоднократно обращались исследователи. В.А. Семенов [1992, с. 78; 1993, с. 26, 28] и Д.Г. Савинов [Древние культуры..., 1994, с. 134 – 135] поставили вопрос о существовании особого локального варианта афанасьевской культуры в Монголии или Центральной Азии. В.И. Молодин высказал предположение о центральноазиатском происхождении афанасьевской культуры [1992, с. 27; 1993, с. 40]. Немногочисленные курганы афанасьевского типа были исследованы в Туве Л.Р. Кызласовым на могильниках Байдаг-Баары, Кызыл-Хая [1979], А.М. Мандельштамом и Л.И. Ревой в Хайыракане [Мандельштам и др., 1979; Рева, 1995].

Проведенный нами сравнительный анализ материалов Алтан-сандаля, Шатар-чулуу и памятников афанасьевской культуры Горного Алтая и Тувы [Цыбиктаров, 2002] позволил сделать следующие выводы. Обладая в целом явно афанасьевским комплексом черт погребального обряда, правда при наличии такой специфической особенности, как отсутствие какого-либо инвентаря в могиле, курганы Алтан-сандаля и Шатар-чулуу, тем не менее, не имеют ни одной полной аналогии среди афанасьевских памятников Алтая. В то же время они обнаруживают значительное, хотя и неполное, сходство с памятниками афанасьевского типа в Туве. Это может быть объяснено, вероятно, только тем, что в Монголии и, видимо, в примыкающей к ней с севера Туве в эпоху энеолита сложился локальный вариант культуры афанасьевского типа. Он характеризовался специфическими, присущими только ему особенностями. Из них отметим следующие: уплощенные каменно-земляные курганы, наличие одно- и двухрядных кольцевых выкладок внутри насыпей, отсутствие в могиле инвентаря, который помещался между камнями кладок курганов, фрагментирование глиняной посуды с последующим оставлением не всех фрагментов, а только отдельных черепков и не в могиле, а между камнями кладок.

Наличие особого локального варианта афанасьевской культуры в Монголии и прилегающей к ней с севера Туве объясняет присутствие черт, характерных для памятников афанасьевского типа Монголии, в алтайских памятниках в качестве эпизодических или малораспространенных. Это редкость безынвентарного варианта погребального обряда – 13,5% (подсчитано по данным Н.Ф. Степановой [1996, с. 54]), наличие единичных каменно-земляных насыпей и двойных колец внутри них, редкие случаи помещения в могилы не целых сосудов, а отдельных черепков и некоторые другие черты. Они могли появиться в результате связей алтайских афанасьевцев с монгольскими.

Энеолитическая эпоха на территории Западной Монголии представлена целым рядом местонахождений петроглифов, известных благодаря исследованиям А.П. Окладникова, В.В. Волкова, Э.А. Новгородовой, Д. Доржа, Д. Цэвэндоржа, В.Д. Кубарева, Е. Якобсон и др. Крупнейшие святилища располагаются в долине р. Чулутын-Гол на западе Центральной Монголии на местонахождениях Чулуут I – III, VII [Окладников, 1981б; Новгородова, 1984, 1989]. Аналогичный памятник находится у горы Тэвш-уул на юге Увэр-Хангайского аймака в южной части Центральной Монголии [Окладников, 1980; 1981а; Новгородова, 1984, 1989]. Еще один крупный центр сосредоточения петроглифов различных эпох, в т. ч. энеолитической, выявлен в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур в Баян-Улэгэйском аймаке на западе Монголии [Кубарев, 1996б; Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 1997]. Петроглифы энеолитического времени обнаружены и в других местах Западной и Южной Монголии: Арабжах в Южногобийском аймаке, Наранбулак в Убсунурском [Новгородова, 1984]. Сюжеты представлены изображениями женщин-роженниц и прародительниц, масками-личинами, мужскими и женскими фигурами с воздетыми к небу трехпальными руками, трехступенчатыми изображениями женщин, образами матери-оленихи и отца-оленя, массивными статичными фигурами быков с лунообразными или направленными вперед рогами, изображениями козлов [Окладников, 1980, с. 91; 1981а, б; Новгородова, 1984, с. 40 – 58; 1989, с. 90 – 104; Кубарев, 1996а, с. 136; Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 1997, с. 214].

Материалы петроглифов обычно датируют временем, соответствующим окуневскому этапу южносибирской периодизации бронзового века. Но какая-то их часть может быть и несколько древнее, синхронной с курганами афанасьевского типа Монголии и Тувы. В связи с этим следует отметить, что материалы из слоев окуневского времени стоянки Тоора-Даш в Саянском каньоне Енисея и антропологические находки из погребений окуневского типа могильника Аймырлыг свидетельствуют об участии афанасьевцев в сложении окуневского населения Тувы, которое в отличие от своих минусинских соседей имело афанасьевский антропологический облик [Семенов, 1992, с. 83; Гохман, 1980, с. 28]. Поэтому не исключено, что окуневцы Тувы исполняли различные культовые обряды и поклонялись духам на святилищах, созданных их непосредственными предшественниками – носителями культуры афанасьевского типа Тувы, представляющими центральноазиатский вариант афанасьевской культурной общности. Параллели между сюжетами энеолитических петроглифов Тувы и Монголии неоднократно отмечались исследователями. В совокупности материалы курганов афанасьевского типа, петроглифы и случайные находки – керамика, жезлы

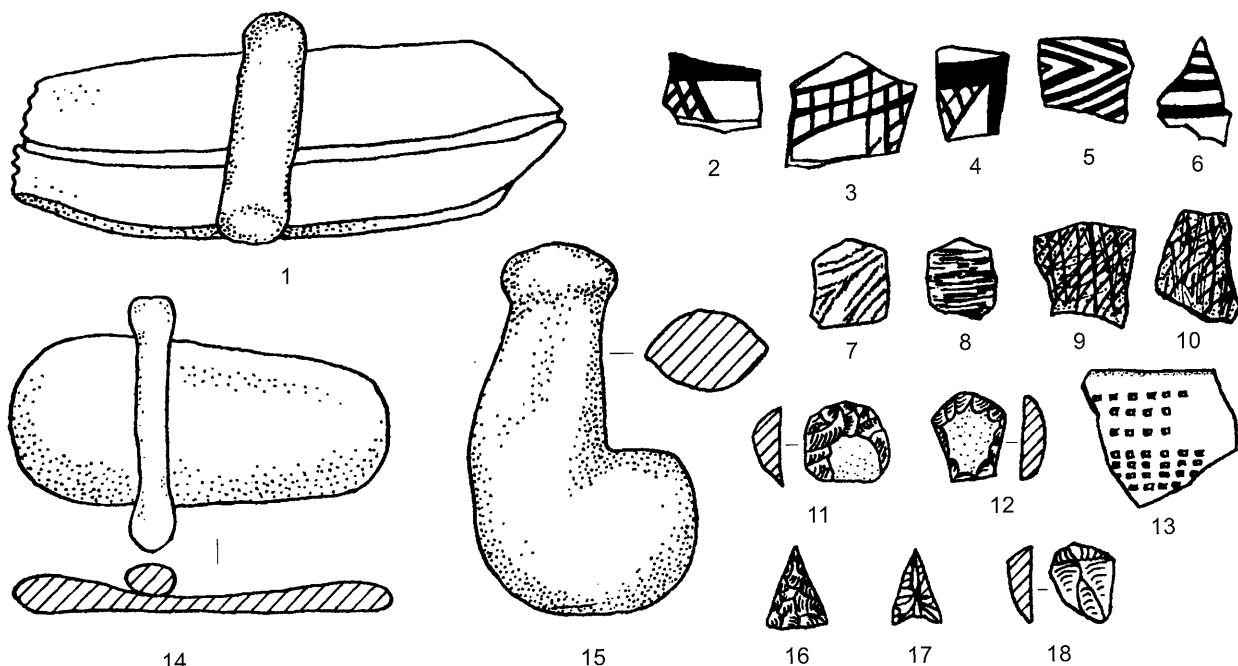

Рис. 8. Находки со стоянок времени неолита – энеолита в гобийских районах Монголии (по: [Новгородова, 1989]).
Южная культурная область.

1 – Восточная Гоби; 2 – 10 – Южная Гоби, Тугригийн-ширэт; 11, 16 – Восточная Гоби, Эхэн усны барун энгэр; 12, 17, 18 – Восточная Гоби, Сухэ-Баторский аймак; 13 – Восточная Гоби, долина р. Керулен; 14 – Восточная Гоби, Монх-хан-сомон; 15 – Южная Гоби.

с наверхиями в виде головок копытных животных [Волков, 1967, с. 11, рис. 1, 6; 8, 1, 7; 1980, с. 16; Новгородова, 1989, с. 87 – 88] – позволяют предполагать достаточно широкое расселение европеоидного населения на западе Монголии. Этнокультурные связи афанасьевцев Монголии были ориентированы, вне всякого сомнения, прежде всего на запад и северозапад, о чем свидетельствуют памятники афанасьевского облика в Южной Сибири и Синьцзяне [Семенов, 1993, с. 26; Заднепровский, 1993, с. 99 – 100; Молодин, Алкин, 1997; Варёнов, 1998].

К сожалению, в курганах Алтан-сандала и Шатарчулуу отсутствовали материалы, позволяющие судить о хозяйственной деятельности афанасьевцев Монголии. Подвеска из клыка кабана, обнаруженная в одном из курганов Шатарчулуу, косвенно указывает на то, что они занимались охотой. Представление о палеоэкономике этого населения в какой-то мере могут дать сведения о хозяйстве афанасьевцев из соседних районов Тувы и Алтая. Тем более что природно-климатические условия западных районов Монголии, Тувы и Горного Алтая во многом близки. Как известно, афанасьевское население Южной Сибири вело комплексное хозяйство, сочетавшее производящую и присваивающую отрасли [Киселев, 1949; Грязнов, 1999]. У алтайских афанасьевцев, по мнению ряда исследователей, при скотоводческо-охотничьей направленности хозяйственных занятий

преобладало скотоводство [Погожева, Молодин, 1980, с. 97; Абдулганеев и др., 1982, с. 66; Цыб, 1984, с. 15 – 17]. На стоянке Тоора-Даш в Туве остеологическими материалами из афанасьевского слоя широко были представлены дикие животные, а из домашних – крупный рогатый скот и, возможно, коза или овца [Семенов, 1992, с. 23, 50]. А.В. Гальченко считает, что пока нет достаточных оснований говорить о преобладающей роли скотоводства в хозяйственных занятиях афанасьевского населения Южной Сибири [1994, с. 18].

Южная культурная область включала гобийские районы Монголии и, вероятно, Северного Китая. Она представлена развеянными дюнными стоянками, культурные слои которых сохранились лишь местами и исследовались далеко не всегда. Обычно осуществлялся сбор материалов на поверхности котловин выдувания. Тем не менее они дают общее представление об этой области (рис. 8). Наиболее яркой особенностью памятников гобийской зоны Монголии является наличие в них расписной керамики [Окладников, 1962а, с. 89]. Преобладают рисунки из треугольников, квадратов, ромбов, косых насечек, “лесенок” [Новгородова, 1989, с. 59, 77]. По данным А.П. Деревянко, В.В. Волкова, Э.А. Новгородовой, стоянки с расписной керамикой найдены в разных районах Гоби [Деревянко, 1986; Волков, 1967, с. 10; Новгородова, 1989, с. 59, 77].

Другой не менее важной особенностью гобийских памятников является наличие огромного количества обломков зернотерок, курантов и пестов. В совокупности с изделиями в виде мотыг, связанных с обработкой земли, они свидетельствуют, по мнению А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, В.В. Волкова, Э.А. Новгородовой, о важных изменениях в хозяйстве – переходе к земледелию [Окладников, 1962а, с. 89; Волков, 1967, с. 10 – 11; Деревянко, 1986, с. 246 – 247; Новгородова, 1989, с. 59, 77].

Расположение стоянок в больших котловинах на берегах высохших рек и озер [Окладников, 1962б, с. 423; Волков, 1967, с. 90; Деревянко, Окладников, 1969; Новгородова, 1989, с. 59 – 60], результаты палеогеографических исследований [Виппер и др., 1978, с. 21 – 22; 1981; 1989, с. 164 – 165; Динесман и др., 1989, с. 198 – 199, рис. 1, 7] свидетельствуют о более влажном и мягком климате во время существования этих поселений. Обитатели Гоби эпохи неолита и раннего металла жили в условиях лесостепных ландшафтов с умеренно сухим климатом [Крюков, Сафронов, Чебоксаров, 1978, с. 83; Кучера, 1986, с. 291].

Вследствие разветвленности культурных слоев вопрос о датировке гобийских стоянок с расписной керамикой и инвентарем, указывающим на то, что их обитатели занимались земледелием, очень сложен. А.П. Окладников и А.П. Деревянко относят их к поздненеолитическому времени [Окладников, 1962а, с. 88 – 89; Деревянко, 1986, с. 246] – III тыс. до н.э. В.В. Волков и Э.А. Новгородова, не отрицая такой датировки, допускают возможность существования этих поселений до начала бронзового века [Волков, 1967, с. 10 – 11; Новгородова, 1989, с. 77] – конец III – начало II тыс. до н.э. В любом случае это время в определенной мере синхронно как афанасьевскому этапу в Южной Сибири, так и эпохе раннего металла в Южном Забайкалье.

Занимая достаточно четкое место на территории Центральной Азии, стоянки с расписной керамикой и специфическим набором орудий земледельческого типа маркируют особую культурную область времени неолита и, видимо, раннего металла этой части Евразийского материка. Она локализуется в южных гобийских районах Монголии и Китая, граничащих с обширной зоной раннеземледельческих культур Восточной Азии. Залегание на ряде стоянок слоев с керамикой расписного типа над слоями с керамикой, имеющей аналогии в памятниках неолитического времени Прибайкалья и Забайкалья, указывает, видимо, на продвижение в период позднего неолита на север южного населения – носителей культур с расписной керамикой, – принесшего с собой и новый хозяйственный уклад, земледелие. Отсутствие стоянок с керамикой расписного типа в восточных, центральных и запад-

ных аймаках Монголии свидетельствует, вероятно, о формировании в южных гобийских районах Монголии и Китая особой культурной области. Разветвленный характер памятников в Гоби и материалы, собранные на поверхности, не позволяют пока ставить вопрос о выделении особой культуры времени позднего неолита или эпохи раннего металла в этой части Центральной Азии. Однако культурную специфику памятников южной гобийской зоны при характеристике эпохи раннего металла Центральной Азии необходимо учитывать.

Отсутствие керамики расписного типа к северу от Гоби свидетельствует о том, что носители культур с такой керамикой не проникали далее на север. Однако это вовсе не исключает существования связей населения гобийских районов Монголии с их северными соседями. Но в результате контактов с носителями северокитайских неолитических культур у автохтонного населения Гоби получила распространение керамика расписного типа и, возможно, более значительную роль стало играть земледелие.

Культурно-исторические процессы в Центральной Азии на заре бронзового века (некоторые выводы)

В эпоху раннего металла на территории Монголии и Южного Забайкалья сложились четыре большие культурные области, представленные селенгинско-даурской, хэнтэйской культурами, центральноазиатским вариантом афанасьевской культурной общности и особой культурной областью в гобийских районах Монголии и Северного Китая (см. рис. 1). Три из них были связаны с лесостепными и степными зонами и одна – с горно-таежными районами Хэнтэй-Чикойского нагорья. Различия между культурами проявлялись в особенностях керамики, погребального обряда, некоторых категорий инвентаря, а также, возможно, в памятниках наскального искусства. Таким образом, население каждой из этих областей отличалось своеобразием культуры. Следовательно, различия между культурами и культурными областями носили этнокультурный характер. Это означает, что в Центральной Азии на заре бронзового века существовали по крайней мере три древние этнические общности. Две из них локализовались на востоке Монголии и в Южном Забайкалье и одна – на западе Монголии. Они различались между собой не только своеобразием материальной и духовной культуры, но и особенностями антропологического типа. Носители селенгинско-даурской и хэнтэйской культур были монголоидами, а афанасьевцы – европеоидами. Следовательно, уже на заре бронзового века население Центральной Азии было неоднородным в антропологическом отношении.

В целом отчетливо заметных проявлений явных контактов между группами населения западной и восточных культурных областей не прослеживается, что говорит об отсутствии постоянных, устойчивых связей между ними. Это, как нам кажется, объясняется стабильностью этнокультурной ситуации в Центральной Азии на заре бронзового века, обусловленной относительно высоким (для того времени) уровнем развития палеоэкономики ее населения, полностью удовлетворявшей жизненные потребности людей. Вследствие этого не возникало особой необходимости осуществлять какие-то перемещения с целью хозяйственного освоения новых угодий, расширения зоны расселения, а значит, и выхода на более широкие этнические контакты. Ограничение подвижности степного населения обуславливалось и некоторыми особенностями хозяйственного развития.

Анализ палеоэкономики энеолитического населения Центральной Азии показал, что у селенгино-даурцев и афанасьевцев она носила комплексный характер. Производящее хозяйство в лучшем случае могло иметь примерно такое же значение, как и присваивающее, но не более, оно все еще не заняло доминирующего положения в хозяйственной деятельности степного и лесостепного населения. Можно предположить, что носители обеих культур еще не накопили такого объема опыта в области развития производящего хозяйства, который позволил бы им если не полностью, то в основном отказаться от присваивающих отраслей и целиком переключиться на скотоводство и земледелие. А значит, с наступлением палеометаллической эпохи в Центральной Азии этап утверждения производящего хозяйства в качестве ведущего направления в экономике носителей селенгинско-даурской и афанасьевской культур все еще не был пройден. Это, в свою очередь, предполагает оседлость центральноазиатского населения, ограничение подвижности. Освоение производящего хозяйства абсолютно несовместимо с подвижным образом жизни. Таким образом, уровень хозяйственного развития не способствовал расширению внешних контактов.

Хозяйственные и культурные связи осуществлялись в основном внутри выделенных областей, не выходя широко за их пределы. Эпоха раннего металла была, вероятно, временем относительно замкнутого существования общинных поселков ранних скотоводов и земледельцев Монголии и Забайкалья. Значительным подспорьем в хозяйстве в это время являлись охота, рыболовство и собирательство. Поскольку природная обстановка в то время все еще оставалась достаточно благоприятной, видимо, можно не сомневаться, что отрасли укреплявшегося производящего и развитого присваивающего хозяйства стабильно и в достаточном объеме обеспечивали

население лесостепных и степных районов Центральной Азии необходимыми для жизни продуктами питания. Поэтому и не было необходимости шире вовлекать в зону активного освоения окружающие области и проникать на территории, занятые инокультурным населением. Во всяком случае, нам пока не известны находки афанасьевского типа на территории восточной степной культурной области и селенгинско-даурского – на территории западной культурной области. Вместе с тем какие-то культурные связи, в том числе и хозяйственные, конечно, существовали, особенно в “пограничных” зонах расселения носителей степных культур, но они были ограниченными.

В соответствии с локализацией выделенных этнокультурных областей на географической карте региона выявляется и направление культурных и этнических связей населения эпохи раннего металла Монголии и Южного Забайкалья. Носители селенгинско-даурской и хэнтэйской культур вследствие специфики природно-ландшафтной ситуации на северной окраине Центральной Азии поддерживали постоянные контакты друг с другом. На юге Забайкалья и на севере Монголии размещение степных и лесных ландшафтов характеризуется значительной мозаичностью. По этой причине столь же мозаично расселялись в пределах региона скотоводы-земледельцы степей и охотники-рыболовы тайги. В результате отсутствовали и четкие территориальные границы между выделенными этнокультурными областями Северной Монголии и Южного Забайкалья. А это, в свою очередь, обуславливало постоянные хозяйственные, культурные и, вероятно, этнические связи между их населением. Афанасьевцы западных районов Монголии контактировали, вне всякого сомнения, в основном с населением Горного Алтая, Тувы и, возможно, Синьцзяна. Хотя не так отчетливо, но просматриваются их связи с обитателями восточных областей Монголии. На юге, вероятно, и те и другие контактировали с населением южной культурной области гобийских районов Монголии и Северного Китая. Распространение в гобийских памятниках керамики прибайкальско-зabayкальского типа указывает на северное направление культурных связей обитателей этой зоны – с населением Северной Монголии и Южного Забайкалья, а керамики расписного типа – на южное – с носителями северокитайских культур земледельческого типа.

Итак, период энеолита и ранней бронзы в северной части Центральной Азии ознаменовался сложением четырех крупных культурных областей. Эпоха раннего металла была временем дальнейшего утверждения производящего хозяйства в среде носителей степных и лесостепных культур. Жители таежной зоны продолжали совершенствовать присваивающие

отрасли. В жизнь и быт носителей всех культур в это время входят изделия из металла – меди и бронзы. В целом историческая и этнокультурная ситуация в пределах региона характеризовались стабильностью и устойчивостью. Имеющиеся на сегодняшний день материалы свидетельствуют о наличии связей между населением соседних культурных областей, но не содержат информации о крупных перемещениях разнотипных культурных групп в пределах северной части Центральноазиатского региона.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадилов Б.Х.** Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1982. – С. 52 – 77.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.** Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 208 – 241.
- Асеев И.В.** Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 46 с.
- Базарова Л.Д., Васильев С.Г., Конюхов А.Ю.** Усть-Менза-3: проблемы стратиграфии и поиск палеокультуры // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО РАН, 1986. – Ч. 2. – С. 68 – 69.
- Варёнов А.В.** Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 60 – 72.
- Виппер П., Дорофеюк Н., Лийва А., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т.** Палеогеография голоцена и верхнего плейстоцена Центральной Монголии // Изв. АН СССР. Биология. – 1981. – Т. 30, № 1. – С. 74 – 82.
- Виппер П.Б., Дорофеюк Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т.** Опыт реконструкции растительности Западной и Центральной Монголии в голоцене // География и динамика растительного и животного мира Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1978. – С. 19 – 24.
- Виппер П.Б., Дорофеюк Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т.** Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М.: Наука, 1989. – С. 160 – 167.
- Волков В.В.** Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. – Улан-Батор: Б.и., 1967. – 148 с.
- Волков В.В.** Погребение в Норовлин уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 76 – 79.
- Волков В.В.** Курганы афанасьевского типа в Монголии // Studia archaeologica. – Улаанбаатар, 1980. – Т. 9, fasc. 2. – С. 13 – 16.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Б.и., 1981. – 254 с.
- Гальченко А.В.** К вопросу о хозяйственной деятельности афанасьевских племен // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 14 – 19.
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 5 – 34.
- Гришин Ю.С.** Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – М.: Наука, 1975. – 136 с.
- Гришин Ю.С.** Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981. – 204 с.
- Грязнов М.П.** Афанасьевская культура на Енисее. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 136 с.
- Деревянко А.П.** Древние культуры Монголии // Археология зарубежной Азии. – М.: Высш. шк., 1986. – С. 234 – 250.
- Деревянко А.П., Окладников А.П.** Древние культуры восточных районов МНР // СА. – 1969. – № 4. – С. 141 – 156.
- Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В.** История степных экосистем Монгольской Народной Республики // Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1989. – Т. 32. – 215 с.
- Дорж Д.** Неолит Восточной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1971. – 171 с.
- Древние культуры Бертегской долины.** – Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.
- Заднепровский Ю.А.** Культурные связи населения эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири и Синьцзяна // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Материалы конф. – СПб., 1993. – Ч. 2: Археология и изучение культурных процессов и явлений. – С. 99 – 102.
- Ивашина Л.Г.** Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1979. – 158 с.
- Ивашина Л.Г.** Поселения эпохи позднего неолита – раннего металла у озер Кулькисон и Харга // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 45 – 61.
- История народов Восточной и Центральной Азии** с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1986. – 580 с.
- Кириллов И.И.** Восточное Забайкалье в древности и средневековье: Учеб. пособие. – Иркутск: Б.и., 1979. – 96 с.
- Кириллов И.И.** Восточное Забайкалье в древности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 38 с.
- Кириллов И.И.** Стоянка Дворцы и некоторые вопросы периодизации развития культуры населения Восточного Забайкалья в эпоху палеометалла // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ: Б.и., 1988. – С. 3 – 17.
- Кириллов И.И., Верхотуров О.Г.** Новые неолитические могильники из Восточного Забайкалья и их значение в определении этнокультурных связей местных племен // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 7 – 21.
- Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И.** Дарасунский комплекс археологических памятников. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 176 с.
- Кириллов О.И.** Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховья Амура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – 20 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с. – (МИА; № 9).
- Константинов М.В., Семина Л.В.** Таежные племена на восточной окраине скифо-сибирского мира // Скифо-

- сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Б.и., 1980. – С. 96 – 104.
- Крюков М.В., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н.** Древние китайцы: Проблемы этногенеза. – М.: Наука, 1978. – 342 с.
- Кубарев В.Д.** Работы в Западной Монголии // АО 1995 года. – М.: ИА РАН, 1996а. – С. 391 – 392.
- Кубарев В.Д.** Исследование петроглифов Монголии // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996б. – С. 136 – 139.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Е.** Некоторые итоги работ по изучению петроглифов Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – С. 213 – 214.
- Кучера С.** Археология Китая: Каменный и бронзовый века // Археология зарубежной Азии. – М.: Высш. шк., 1986. – С. 252 – 319.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 208 с.
- Мазин А.И.** Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988.
- Мазин А.И.** Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 241 с.
- Мамонова Н.Н.** Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 60 – 74.
- Мандельштам А.М., Шаровская Т.А., Бестужев Г.Н.** Раскопки в зоне строительства г. Новый Шагонар // АО 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 246 – 247.
- Молодин В.И.** Бронзовый век Южной Сибири – современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 25 – 33.
- Молодин В.И.** Современное состояние проблемы бронзового века Горного Алтая // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири: Тез. докл. – Томск, 1993. – С. 39 – 41.
- Молодин В.И., Алкин С.В.** Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Тез. науч. конф. к 35-летию НГУ. – Новосибирск, 1997. – С. 35 – 38.
- Наваан Д.** Дорнод Монголийн хурлийн уе. – Улаанбаатар, 1975. – 200 с. (на монг. яз.)
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.
- Окладников А.П.** Археологические исследования в Бурят-Монголии // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. – 1951. – Т. 8, № 5. – С. 440 – 450.
- Окладников А.П.** Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947 – 1950 гг. // КСИИМК. – 1952. – Вып. 45. – С. 40 – 47.
- Окладников А.П.** Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 г.) // СЭ. – 1962а. – № 1. – С. 83 – 90.
- Окладников А.П.** О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир. – М.: Изд-во АН СССР, 1962б. – С. 418 – 431.
- Окладников А.П.** Петроглифы Центральной Азии. – Л.: Наука, 1980. – 271 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Монголии. – Л.: Наука, 1981а. – 228 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Чулутын-Гола. – Новосибирск: Наука, 1981б. – 182 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Тамцаг-Булак – неолитическая культура Восточной Монголии // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. – Улан-Удэ: Б.и., 1970. – С. 3 – 20.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 220 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 2. – 264 с.
- Окладников А.П., Кириллов И.И.** Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Погожева А.П., Молодин В.И.** Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) // Археологический поиск: Северная Азия. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 92 – 98.
- Рева Л.И.** Хайыракан I – могильник эпохи бронзы // Южная Сибирь в древности: Археологические изыскания. – СПб., 1995. – Вып. 24. – С. 17 – 22.
- Родникова Е.А., Селин В.В.** Усть-Менза-5: погребение бронзового века // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1986. – Ч. 2. – С. 74 – 75.
- Рыгдылон Э.Р.** Неолитические находки на Нижнеберезовской стоянке // СА. – 1950. – № 12. – С. 287 – 288.
- Семенов В.А.** Неолит и бронзовый век Тувы. – СПб.: ЛНИАО, 1992. – 136 с.
- Семенов В.А.** Древнейшая миграция индоевропейцев на восток // Петербург. археол. вестн. – 1993. – № 4. – С. 25 – 30.
- Семина Л.В.** Кристинкина пещера – памятник раннего металла Южного Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 61 – 70.
- Семина Л.В.** Исследования эпохи неолита и бронзы в Юго-Западном Забайкалье // Проблемы исследования каменного века Евразии: Тез. докл. краевой конф. – Красноярск, 1984. – С. 127 – 131.
- Семина Л.В.** Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 104 – 122.
- Семина Л.В.** Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 16 с.
- Семина Л.В., Пинскер М.П.** Памятники эпохи ранней бронзы Усть-Мензенского комплекса // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. – Барнаул, 1988. – С. 67 – 68.
- Сосновский Г.П.** Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье // Изв. ГАИМК. – 1933. – Вып. 100. – С. 210 – 222.
- Степанова Н.Ф.** К вопросу об эпохе бронзы Горного Алтая // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 53 – 54.
- Сухопарова С.А., Непомнящий А.С., Семина Л.В.** Металл и камень Чикойско-Мензенской тайги в эпоху ранней бронзы // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. XXX РАЭСК. – Иркутск, 1990. – С. 188 – 189.

Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985. – 20 с.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1984. – 19 с.

Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности. – Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 1999. – 264 с.

Цыбиктаров А.Д. Могильники афанасьевского типа Монголии и Тувы (вопросы культурной принадлежност

ти и датировки) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ – Чита: Изд-во БурГУ, 2002 (в печати).

Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – 359 с. – (Сер. “Археология СССР”).

Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig, 1980. – 280 p.

Материал поступил в редколлегию 1.04.02 г.

УДК 903.5

Ю.С. Худяков¹, К.Ш. Табалдиев², О.А. Солтобаев²*¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru**²Кыргызский государственный национальный университет
Абдымомун кочосу, 207, Бишкек, 720000, Кыргызская Республика
Факс (3312) 26-35-06*

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ С РУНИЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ В МЕСТНОСТИ КОК-САЙ В КОЧКОРСКОЙ ДОЛИНЕ НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Введение

Памятники древнетюркской рунической письменности являются важнейшим источником по истории тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху раннего средневековья. Они содержат ценные сведения о многих исторических событиях в изложении самих тюрков, а не иноземных наблюдателей [Кляшторный, 1975, с. 260]. Поэтому каждая вновь обнаруженная руническая надпись привлекает внимание и становится объектом изучения специалистов – тюркологов, историков, археологов. Особое значение имеют находки руники из тех районов, где их ранее не обнаруживали.

Одним из регионов, где в эпоху раннего средневековья существовали государства тюркоязычных кочевых этносов и применялась древнетюркская руническая письменность, является Тянь-Шань в пределах современной территории Республики Кыргызстан. Впервые памятники древнетюркской руники были обнаружены в Таласской долине Тянь-Шаня еще в конце XIX в. В дальнейшем большая часть надписей была найдена в районе р. Талас. Отдельные рунические надписи зафиксированы на оз. Иссык-Куль и в Баткенском р-не Кыргызстана. Изучением таласских рунических надписей занимались многие выдающиеся ученые-тюркологи России, Кыргызстана, Финляндии, Турции. Они предложили свои варианты чтения, перевода, датировки и исторической интерпретации этих памятников письменности [Джумагулов, 1987, с. 9 – 10, 12, 14, 19].

По оценке С.Г. Кляшторного, таласские рунические надписи относятся ко второй половине существо-

вания в Семиречье и на Тянь-Шане Тюркешского каганата, или к 716 – 739 гг. [2001б, с. 74]. Вместе с тем И.В. Кормушин, опираясь на результаты палеографического анализа таласских рун, считает их производными от поздних енисейских аллографов [2001, с. 95]. Енисейские кыргызские надписи в Саяно-Алтае, начертания рун которых послужили прототипами для таласских рунических знаков, датируются в основном IX – X вв. н.э.

В 1998 и 2000 гг. серия рунических надписей была обнаружена в восточной части Кочкорской долины Тянь-Шаня археологами Кыргызского государственного национального университета К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым в ходе поиска наскальных рисунков в местности Кок-Сай. Эти находки имеют важное значение не только для изучения памятников древнетюркской рунической письменности в Кыргызстане, поскольку они обнаружены в горном районе внутренней части Тянь-Шаня, где ранее не были известны, но и для исторической реконструкции, т.к. найдены в сочетании с наскальными рисунками и тамгами. Поблизости от местонахождения Кок-Сай находятся древнетюркские каменные изваяния и могильники.

Предварительные сведения о рунических надписях в Кочкорской долине были оперативно введены в научный оборот К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым в периодических и научных изданиях в Кыргызстане [2001, с. 69 – 72]. Эти материалы привлекли внимание специалистов, исследующих древнетюркские рунические памятники Центральной Азии. Свои варианты чтения, перевода и ин-